

18+

Жюли Кошка

Обратный эффект

Жюли Кошка
Обратный эффект

«Издательские решения»

Кошка Ж.

Обратный эффект / Ж. Кошка — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-987433-7

Купиться на обычное «слабо» и закрутить роман с девчонкой, к которой ты ничего не чувствуешь и до которой тебе до последнего момента вообще не было никакого дела — что могут повлечь за собой подобные бездумность и безалаберность и к чему они могут привести? «Обратный эффект» — это роман о школе, о любви, о предательстве, о том, как непредсказуемы бывают повороты событий, и как меняются сами люди, участвующие в них.

ISBN 978-5-44-987433-7

© Кошка Ж.

© Издательские решения

Содержание

Между жизнью и смертью, или к чему может привести общение с умопомрачительно красивым парнем	6
Что могут повлечь за собой голодный желудок и мысли о пище	9
Снег на голову	12
О скользкой обуви, бесплатной доставке и любовной лирике	14
О хитросплетениях судьбы и превратностях любви	18
О полетах в межзвездное пространство	20
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Обратный эффект

Жюли Кошка

© Жюли Кошка, 2020

ISBN 978-5-4498-7433-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Между жизнью и смертью, или к чему может привести общение с умопомрачительно красивым парнем

Ольга

Словно все происходит не со мной. Словно не моя рука берет круглую небольшую таблетку и отправляет в рот, а потом тянется за стаканом. И словно не я запиваю эту частичку смерти водой. Да, частичку смерти. Первую, но не последнюю. Что я делаю? Наверное, несложно догадаться. Пытаюсь лишиться себя жизни... Страшно ли мне?.. Немного... Хотя... скорее пусто и безразлично... Я уже пережила все, что могла, выплакала столько, сколько могла, а сейчас не могу ничего... Пусто... глухо... как сон... Отправляю вторую таблетку в рот и вспоминаю его лицо... его фигуру... всего... Даже сейчас, даже после того, что было, даже просто рисуя его в своем больном свихнувшемся воображении... не могу не улыбнуться... слегка... краем припухших от долгих рыданий губ...

Темные короткие волосы, выстриженные по бокам и оставленные приподнятой широкой полоской сверху. Черные глаза, обрамленные длинными черными ресницами, узкий четко очерченный изящный нос с маленьким серебряным колечком в ноздре, острые скулы, тонкие, кривящиеся в ухмылке губы, которые... которые прикасались к моим губам... Невысокий, хотя при моем низком росте я лишь немного выше его подбородка, худощавый, но подтянутый. Если положить руку ему на грудь или плечи, то сразу можно ощутить бугорки мышц. Белоснежная рубашка, верх которой расстегнут на две пуговицы, закатанные по локоть рукава, черные в обтяг джинсы с черным широким кожаным ремнем, полностью попирающие правила школы о наличии формы, на ногах черные кроссовки с белой подошвой, а на запястье широкий кожаный браслет... Правда, крут? Особенно для меня, пятнадцатилетней девчонки с весьма сомнительной внешностью и... Хотя, сначала о внешности. О своем росте я уже упомянула, а если быть точной, то высотой я метр сорок девять. Худая, хотя некоторые и утверждают, что стройная (уверена, только из жалости), грудь практически отсутствует, волосы достаточно коротко остриженные цвета выгоревшей соломы, и что бы с ними не делала, все равно топорщатся на голове не пойми как. Рот, наверное, немного большеват, а губы бледные, но помадой пользоваться ненавижу (кажется, будто что-то лишнее на коже). Нос обычный, небольшой и ничем непримечательный (возможно, даже хорошо). А вот глаза... глаза – от мамы. Синие, васильковые, опущенные светлыми ресницами. Глаза – это то единственное, что мне в себе нравится... И ему тоже нравились мои глаза. «Васильки во ржи...» – так однажды он сказал...

А еще... я не говорю... Слышу, понимаю, могу ответить (написав на бумаге), но не говорю. Раньше разговаривала. Но раньше многое было иначе...

Многое... А самое главное, была мама... Я помню ее теплые нежные руки. Когда было трудно, мама обнимала меня и говорила: «Ничего, солнышко, все образуется. Вот увидишь, все будет хорошо». Только хорошо не стало, а лишь еще хуже. Та сволочь, у которой мы жили последние два года, убил ее, толкнув так, что она упала и... Я долго, почти ничего не могла вспомнить из того, что произошло тогда. Только то, как я бежала по талому, холодному снегу, отчаянно хлюпающему в резиновых домашних шлепках, бежала неизвестно куда, только бы убежать, а потом тускло-зеленые стены, врачей в белых халатах. Мне сказали, что меня нашли какие-то люди лежащей без сознания в снегу и вызвали «скорую». С тех пор я не разговариваю... После больницы меня отправили в детский дом, потому что близких родственников у нас с мамой не было. И год я провела там. Тяжелый год. Ничем хорошим не могу вспомнить это место. Разве что наша воспитательница, Алиса Васильевна с ее сочувственным отношением ко мне смогла маленьким лучиком хоть каплю осветить этот ад, наполненный презрением и издевательствами окружающих меня детей. Возможно, если бы я могла говорить, у меня бы

получилось как-то ужиться с ними, а так... я стала изгоем, уродом, которого можно изощренно доставать... А потом, спустя чуть больше года, меня вдруг взяла к себе семейная пара. Мария Владимировна и Павел Александрович оказались людьми хорошими. Им обоим далеко за сорок, своих детей никогда не было. И вот они решили приютить детдомовца. И выбор пал на меня. Не знаю, что их так подкупило. Возможно, то, что я не говорю, и моя печальная биография, а, может быть, и хорошая, а местами даже отличная успеваемость в учебе. Я всегда очень прилично училась, не сползла и в детдоме. А они оба преподаватели: Мария Владимировна – учитель биологии в школе, а Павел Александрович преподает химию в институте. Должно быть, они увидели во мне неплохой потенциал, поэтому и взяли к себе. Но, как бы там ни было, мне повезло. Однако когда подошел учебный год, в школу меня не отдали, решив обучать на дому. И я радовалась тому, что мне никто не докучает по поводу моей немоты. Но спокойная жизнь длилась недолго. Спустя два месяца, когда только-только начался ноябрь, ознаменовавшись в школе каникулами, а у меня перерывом в домашних занятиях, Мария Владимировна как-то после совместного семейного ужина заявила:

– Оленька, мне кажется, сидя дома, ты совсем зачахнешь. У тебя сейчас возраст такой, когда общаться надо, а ты все одна и одна. Наверное, мы не правы были, что тебя дома оставили. Давай попробуем в школу ходить. Там, где я работаю, очень неплохой девятый класс в параллели есть. Ребята хорошие, коллектив дружный. Определим тебя туда. Уверена, тебе непременно понравится!

И со второй четверти учебного года я отправилась в школу, в девятый «Б» класс. Была ли я против? Не то что бы... Я ведь и раньше, до того, как все произошло, ходила в обычную школу. И мне даже нравилось. Но сейчас было очень тревожно...

...В первый день классу меня представила сама Мария Владимировна. Когда она объявила, что я не могу говорить, все уставились на меня так, будто я была диковинным экспонатом в кунсткамере. Я вытерпела несколько долгих мгновений моей презентации классу и, опустив глаза, прошла и села за последнюю парту, которая, на мое счастье, оказалась полностью свободной. Однако в течение всего урока ученики оборачивались и разглядывали меня. Некоторые как бы мельком, а некоторые пристально и въедливо. Это раздражало, но я терпела. Деваться-то было все равно некуда. А на перемене меня обступил чуть ли ни весь класс. И я вновь ощутила себя чудом природы, только на этот раз еще сильнее. Ребята пытались выяснить, кто я такая, можно ли со мной общаться и как это делать. Когда увидели, что ответы я могу писать на бумаге, меня окончательно завалили вопросами, далеко не все из которых отличались тактичностью. Я и раньше-то не была особо общительной, а после детдома, вообще, любой контакт со сверстниками настораживал. И поэтому я ответила лишь на несколько, на мой взгляд, существенных и более или менее корректных вопросов. А ученики, поняв, что всеобъемлющей исповеди от меня не добьются, начали отставать. И на последней перемене моего первого учебного дня я уже сидела в гордом одиночестве, уткнувшись взглядом в книгу и делая вид, что усердно ее штудирую. Еще несколько дней моих походов в школу увенчались пониманием, что желающих со мной дружить нет. Иногда кто-нибудь подсаживался за мою парту, но все это было чисто из любопытства, и скорее раздражало, чем обнадеживало. Да, честно говоря, и мне, привыкшей в последнее время быть одной, на более тесный контакт идти не слишком-то и хотелось. А чуть позже, недели через полторы, когда в классе выяснили, что по успеваемости я обгоняю многих, некоторые на меня стали поглядывать с недовольством. А еще через несколько дней я поняла, что обрела врага. Это произошло, когда мое сочинение по литературе зачитывали перед всем классом, как пример для подражания, а впереди сидящий Виталик Брянцев обернулся и заявил, что я спихнула с пьедестала Варю Иванкову, сочинения которой всегда считались лучшими, и тут же встретила с испепеляющим взглядом этой самой Вари. И, подводя итоги двух недель своего обучения в школе, я сделала печальный вывод о том, что друзей, да и даже просто школьных приятелей у меня нет, зато есть враг в лице Вари, начавшей

после злополучного урока литературы отпускать в мой адрес недобрые взгляды, а порой и колкости. А также уяснила, что обзавелась не слишком-то маленькой кучкой недовольных, по всей видимости, считающих меня выскочкой и зазнайкой, и небольшой группой «списывальщиков», которые регулярно не выполняли домашку, а потом клянчили ее у меня (в основном это были пацаны). Еще я осознала, что в школе мне неуютно и даже тревожно и что сидеть дома и заниматься самостоятельно для меня гораздо спокойнее и комфортнее. Я решила потерпеть еще одну неделю, чтобы собраться с духом, и в следующие же выходные объявить своим приемным родителям, что хочу вернуться к обучению на дому. С этими мыслями я шла в школу в морозный ноябрьский понедельник, с этими же мыслями садилась за последнюю, только мою парту и с этими же мыслями подняла глаза, когда Брянцев влетел в дверь класса и истошно завопил:

– Макс! Макс Ермолаев идет!

И тут я в первый раз увидела ЕГО и поняла, что, как бы мне плохо в школе не было, я все равно останусь. Останусь ради НЕГО...

Что могут повлечь за собой голодный желудок и мысли о пище

Макс

Максим Ермолаев, а для друзей и одноклассников просто, коротко и стильно Макс, сидел в междугороднем автобусе у окна и скользил глазами по быстро меняющемуся пейзажу, представленному разномастными домами вперемешку с группками окутанных зеленью деревьев. Но мысли его были далеко отсюда и по расстоянию и по времени. Он вспоминал, как начиналась эта история, в которой он повел себя не лучшим образом. И, должно быть, именно плохое ее начало привело к тому, что произошло потом...

...Девятый «Б» был на хорошем счету среди учителей. Успеваемость в целом вполне приличная, активность в школьных мероприятиях выше средней, да и коллектив весьма дружный. Дисциплина, правда, кое-где хромала, но, в основном, из-за отдельных личностей. К такому как раз и относился Ермолаев Максим, с младших классов зарекомендовавший себя как заядлый прогульщик, попирающий устои школы и вносящий своими шуточками и комментариями дисбаланс в уроки. Но учителя часто на все это закрывали глаза, потому что в жизни школы, не касающейся учебы, он был незаменим. Школьные концерты, соревнования юных дарований, театрализованные постановки – ничего из этого не обходилось без него. Максим был артистичным и очень любил выступать, а с третьего класса еще и занимался брейк-дансом. А таким звездам, как известно, сходит с рук многое, даже кольцо в носу.

...Достаточно большая часть класса тесно дружила между собой. Во многом эта сплоченность объяснялась их совместным участием в различных школьных мероприятиях. В эту группу активистов как раз и входил Макс. Время подкатывало к середине декабря, приближались каникулы и новогодние праздники. Директриса, женщина энергичная и неумная, любила, когда вокруг нее бурлила и клокотала жизнь, причем не только учебная, но и творческая. Поэтому каждому классу было дано задание подготовить по два номера художественной самодеятельности к новогоднему концерту.

Собственно с этой целью и собралась сейчас часть девятого «Б» в размере десяти человек. Остальные вполне успешно смотрелись домой. Хотя оставшиеся не возмущались. По опыту было известно, что толку от смывшейся части все равно никакого нет. То, что исполнение одного номера должен взять на себя Макс, даже не обсуждалось. Его брейк всегда пользовался диким успехом у учеников. А вот над вторым выступлением приходилось поломать голову. Однако после восьмого урока на ум уже ничего не шло... Ребята с уставшими пасмурными лицами скучились недалеко от окна. Поступило несколько предложений, но они почти сразу отсеялись. Часть из-за того, что неинтересные, а часть из-за невозможности претворения в жизнь. И теперь в классе висела навевающая дремоту тишина. Иванкова Варя сидела за партой и тусклым взглядом смотрела сквозь оконное стекло вдаль на невеселое зимнее небо, подернутое серыми тучами.

– А, может, проучить ее как-нибудь? А-то достала уже всех! Заучка! – выдала вдруг она, разбив гнетущую тишину и обратив на себя взгляды всех, кто находился в классе.

– Варь, ты о чем? – удивленно вытаращилась на нее Лерочка Шумилина.

– Ни о чем, а о ком! – резанула ответом Варя и хлопнула ладошками по парте. – Я об Ольге Корольковой, этой немой выскочке! Она меня бесит! Сидит, как паук на своей паутине, и все лавры к себе тихонечко так подгребают. Четверти не прошло, а все учителя на нее надыхаться не могут. Задолбали уже! «Ах! Олечка молодец! Ах! Олечка умничка! Олечка то, Олечка се! И контрольную-то она быстрее и лучше всех сделала, и сочинение-то у нее самое грамотное и талантливое!

– Да ладно тебе, Варька! Она списывать зато дает! – вступился Кротов Вадик, известный своим извечным зависшим состоянием «между тройкой и двойкой» почти по всем предметам.

– О! Продался уже! – гневно оборвала Иванкова попытку защиты и посмотрела на Кротова так, словно хотела испепелить.

– Да не продался ничего... – промямлил тот и втянул голову в плечи.

Иванкова сузила глаза и обвела всех присутствующих подозрительным взглядом.

– Она, типа, меня одну достала? – процедила Варвара сквозь зубы.

– Да нет, не одну! И нас тоже! – загудели ученики.

– А, может, ее проучить как-нибудь? – подал неуверенный голос Женька Блеснов, который всегда старался подпеть Иванковой во всех ее начинаниях.

– За что? За хорошую учебу? Формально она ничего противозаконного не делает, – усмехнулась Варя.

– Ну... я так... предложил просто... – промычал Блеснов.

– От нее надо постараться избавиться, вот что. И это будет самым разумным. – Иванкова встала из-за парты и, обведя всех загоревшимися глазами, воодушевленно добавила: – Она же раньше на дому обучалась. Вот и пусть валит отсюда обратно на свое домашнее обучение!

– Только вопрос в том, как это сделать? – задумчиво произнесла Шумилина Лера.

В классе вновь стало тихо. Только мысли теперь у всех работали не над тем, какой номер предложить на новогодний концерт, а над совершенно иной, и некоторым, пожалуй, казавшейся весьма скользкой в моральном отношении проблемой. И тишина на этот раз поменялась. Из скучной и сонной она стала напряженной и тревожной... Правда, если брать Максима Ермолаева, то он-то в этот момент думал о том, как пойдет после их собрания в столовку и купит себе там большой ломоть горячей пиццы, которую на местной кухне готовили удивительно хорошо, а еще о том, что Вирсов Серега обзавелся крутой компьютерной игрой, и они сегодня должны ее обновить. А до интриг, сплетаемых Иванковой, ему не было совсем никакого дела, точно также как и до этой новенькой Ольги Корольковой, имени которой он до сегодняшнего дня даже толком и не знал.

– А что если объявить ей бойкот? – вдруг разбил молчание Сашка Пылев, который всегда был не прочь поучаствовать в какой-нибудь интриге. – Она тогда сама уйдет!

– Пылев, идея-то, может, и ничего, да вот только эту Королькову бойкотировать сложно, – сказала Иванкова. – Она и так ни с кем особо не общается. Это скорее она нас бойкоту подвергает с первого дня, как тут появилась.

– Ну, а если доставать ее как-то начать, – вступила в обсуждение Катя Кашина.

– Ну да. Мелкие пакости там всякие, – тут же поддержала ее сестра-близняшка, Ира.

Иванкова глубоко вздохнула и, снисходительно посмотрев на близнецов, произнесла:

– У нее новоявленная мамочка тут работает, если кто забыл. Она ей настучит, и нам же по шапкам и достанется. И за все «мелкие пакости» мы получим по-крупному, так, что мало точно не покажется!

– Ну а ты что предлагаешь? – спросила Лера Шумилина. И все обратили свои обнадеженные взгляды к Варваре.

– Я?... – Иванкова сделала весомую паузу, а потом вдруг произнесла:

– А я предлагаю задействовать Максика Ермолаева.

Максим даже вздрогнул от неожиданности.

– В смысле, меня?!

– Тебя, Максик, тебя! – многообещающе подтвердила Варвара. – И в том смысле, что ты должен будешь разбить этой заучке сердце. И как можно быстрее. А она после этого не захочет тебя лицезреть каждый день и уйдет из школы. Ну, или в худшем случае в другой класс переведется, что тоже неплохо.

– А чего сразу я то?! – возмутился Макс.– Вон, пускай Блеснов разбивает или Сашка Пылев.

– Макс, ты придурок! – воскликнула Варвара. – Неужели до сих пор не заметил, что она на тебя пялится?

– Кто? Королькова, что ли?

– Нет! Анджелина Джоли, идиот!

Макс стоял и хлопал глазами, пытаясь осознать себя в обновленной реальности, места для сочной пиццы в которой оставалось все меньше и меньше.

– Ну что, перезагрузился, звезда ты наша? – Иванкова уставилась на него в упор и сверлила глазами.

– Варь, нет, не буду я этого делать. Не хочу я ей ничего разбивать. Не нравится мне все это. Да и Королькова эта ваша мне тоже не нравится. Ни кожи, ни рожи. На фиг она мне сдалась!

– Да брось, Максик! Неужели для общего дела не постараться? Ты ж, вроде как, свободен сейчас. С Жанкой из «А» класса завязал, я слышала. Ну и поработай на общественном поприще немного. Не убудет от тебя.

Однако Ермолаев сдаваться не собирался и упрямо замотал головой. Тогда Варвара прищурила глаза и, внимательно поглядев Максу в лицо, лукаво процедила:

– Что, думаешь, орешек не по зубам? Не справишься? Пожалуй, такая зубрила может оказаться неприступной крепостью. А осрамиться ты боишься, верно, Макс?!

– Да ничего я не боюсь!

– Боишься-боишься! – напирала Иванкова.

– Если откажешься, значит, признаешь, что слабо! – добавила масла в огонь Шумилина.

– Слабо! Слабо! Слабо! – дружно заскандировали девчонки-близняшки Ира и Катя Кашины.

– Кончай ломаться, брат! Тебе это сделать – раз плюнуть! – подхватил Пылев.

Ермолаев зло оглядел всю компанию, усердно наседающую на него. У него было жуткое желание наплевать на всех, развернуться и выйти из класса. Но... Но глупое самолюбие взяло верх, и Макс неожиданно для себя самого брякнул:

– Ладно! – а потом недовольно пробурчал себе под нос: – Достали уже...

– Ура! – победоносно заверещали девчонки.

– Ну, вот и молодец! – хлопнул его по плечу Пылев.

А когда через несколько минут все потянулись из класса, решив, что интеллектуальной работы на сегодня достаточно, к Максиму подошел Кротов и тихо и как-то неуверенно произнес:

– Нехорошо все это...

– Чего нехорошо? – не понял Макс, мысли которого вновь вернулись к сочному куску пиццы, а от инцидента остался лишь неприятный осадок.

– Да с Корольковой... с Ольгой.

Макс бросил на него беглый взгляд и лишь равнодушно пожал плечами...

Снег на голову

Ольга

Максим Ермолаев... Максим... Макс... Сидя за своей последней партой крайнего ряда, я украдкой поглядывала на него. Веселый, яркий, острый на язык. Учился он неважно, что, кажется, его более чем устраивало, часто опаздывал на уроки (и не только на первые), любил поспорить и даже попрекаться с учителями, хотя определенных границ приличия никогда не переходил и не опускался до открытой грубости и наглости. Учителя относились к нему и его порой дерзким выходкам вполне терпимо. И почему так происходило, мне очень скоро разъяснил Виталик Брянцев, очень любящий вводить меня в курс всех дел, независимо от того, интересно мне это или нет. Но в данном случае мне было очень интересно, и я с жадностью впитывала каждое произнесенное им слово о Максе, о его артистических способностях и танцевальных талантах. И с каждым его словом ореол, нарисованный мной вокруг Макса, сиял все ярче и ярче, а сердце билось все сильнее и сильнее. И уже через пару недель нашего совместного сосуществования с Максом в одном классном пространстве, я поняла, что безумно влюбилась. Влюбилась так, что стоило мне услышать его голос, увидеть его силуэт вдалеке длинного школьного коридора, или же просто его рюкзак, небрежно брошенный на парту и сообщающий о том, что хозяин где-то совсем рядом, как сердце заходило так, что я слышала его стук даже в горле, дыхание перехватывало, а ноги, казалось, стоят не на твердой поверхности, а на палубе попавшего в шторм корабля. А Макс... совершенно не замечал меня. Недели за три я поймала на себе всего два его взгляда. Один, в первый день его появления, когда Блеснов, видимо, разъяснял ему, кто я такая. Взгляд этот был быстрый, но все же хоть чуточку заинтересованный. А второй через пару дней – лишь мельком, случайный, проскользнувший, будто по пустому месту! А ощущение было такое, словно по моему сердцу полоснули ножом. Я никогда не думала, что любить – это так больно, но не любить я уже не могла... Однако за пару недель до конца четверти Макс все же удостоил меня еще несколькими своими взглядами, причем в них читался интерес. Это было странно. И я даже решила, что у меня не все в порядке со зрением, и мне это просто кажется. Ведь так приятно выдавать желаемое за действительное и видеть то, чего хочешь, а не то, что есть на самом деле.

...До каникул оставалось чуть больше недели. Я пришла рано. Первым уроком по расписанию была алгебра, и мы должны были сегодня писать полугодовую контрольную. Я уткнулась в книгу и пролистывала пройденный материал. Народ потихоньку прибывал и занимал свои места. В атмосфере чувствовалось волнение и напряженность. До начала урока оставалось минут десять, учительницы еще не было, и класс негромко гудел, обсуждая возможные задания и возможность списать. Макс пока не появился. Хотя опоздать на контрольную вполне в его амплуа. Я случайно сбила рукой карандаш со стола и нагнулась, чтобы поднять его, как вдруг совсем рядом раздался грохот, и я ощутила, как вздрогнула столешница, о которую я опиралась рукой. Я резко поднялась и увидела на моей парте знакомый рюкзак. Настолько знакомый, что трудно было поверить своим глазам. Рюкзак Макса лежал совсем рядом, в пятнадцати сантиметрах от моего локтя. А возле него... стоял... сам Макс... Я почувствовала, что не могу даже сглотнуть, все мышцы напрочь отказывались слушать меня. Я вытаращилась на парня и никак не могла отвести от него глаз, хотя понимала, что вот так откровенно пялиться – это полное безумие.

– Можно я тут сяду?

Я видела, что Макс что-то говорит мне, но суть вопроса дошла не сразу.

Ощущение реальности, казалось, покинуло меня полностью, впрочем, как и самообладание. На моем лице, видимо, отчетливо читались растерянность и непонимание того, что про-

исходит, потому что уже в следующее мгновение Макс повторил свой вопрос, кажется, стараясь на этот раз говорить более четко.

– Я спрашиваю, сесть здесь можно?

Но на этот раз я ответила, утвердительно кивнув головой. Однако получилось это у меня немного резко и быстро, словно теперь я боялась промедлить с ответом. Хотя, так оно и было...

Макс опустил на соседний стул. Рядом. Совсем рядом со мной. Сердце барабанило, но тело мое начинало подчиняться законам благоразумия. Я вновь уткнулась в учебник и сделала вид, что читаю и вскоре даже действительно начала читать. А сердце понемногу стало успокаиваться. Я не слишком-то привыкла, чтобы судьба преподносила мне что-то на блюдечке с голубой каемочкой. И ко всем даже благоприятным на первый взгляд ее поворотам относилась с осторожностью. Этому меня научила жизнь в детдоме, да и предыдущий опыт двухгодичного проживания с отчимом под одной крышей тоже сыграл свою роль. Я привыкла не расслабляться и ожидать всего, порой самого неожиданного и непредсказуемого и, конечно же, плохого.

А Макс тем временем разложил на парте все необходимое к уроку. И...

– Говорят, ты в алгебре шарить. Поможешь контрольную решить? А-то у меня неладу с этим предметом.

Вот оно – то самое, неожиданное. До умопомрачения приятно, что Максим обратился за помощью ко мне. Сердце сбилось в своем почти успокоившемся стуке. Но...

«Почему?»

Макс внимательно и отчего-то долго читал всего лишь одно слово, написанное на листочке.

– Чего «почему»?

«Почему я должна помогать тебе?»

– Ну-у... – протянул Максим.

А я стала ругать себя за то, что просто не согласилась ему помочь. Ну вот, действительно, почему? Зачем?! Куда меня кривая понесла?! Сейчас он встанет, заберет свои вещи и пересядет куда-нибудь. От меня. Подальше...

Но Макс не ушел.

– ... скажем, из обычного человеколюбия, – при этих словах он посмотрел мне прямо в глаза, и на его губах появилась ухмылка, слегка нагловатая, как мне показалось.

Не люблю такие самодовольные ухмылки. Они не влекут за собой ничего хорошего. Хотя какая-то часть меня неотвратимо таяла при виде его искривленных губ. А на листочке рука сама собой выводила:

«Не мотивирует».

Посмотрела на его лицо. Губы искривились еще больше. Только на этот раз раздраженно и брезгливо. Он не ожидал. Я, пожалуй, тоже. Не ожидала. От себя... Но только он почему-то все равно не ушел. По-прежнему сидел рядом, но в мою сторону больше не оборачивался. И я ощущала исходящие от него напряжение и злость. Мог бы и пересесть. Зачем он остался? Этот вопрос не давал мне покоя все следующие сорок пять минут урока. А также мучало неумное желание помочь, потому что видела, что он едва справляется. Но что-то удерживало меня от этого. Наверное, упрямство и гордость. Я не хочу, чтобы ко мне за парту садились только ради того, чтобы я делала их работу. Тем более не хочу, чтобы только из-за этого садился ко мне Макс. Это очень обидно. Хотя... он... все еще был здесь... Неужели настолько верил в человеколюбие? Или в то, что я дура?.. Хотя, человеколюбие во мне, и правда, порой больше, чем хотелось бы. И то, что я дура – это неоспоримый факт. Макс, пожалуй, правильно рассчитал.

Я сделала его последнее задание, и листочек сунула перед концом урока на его сторону парты. Возможно, с этим заданием на четверку он все же натянет...

О скользкой обуви, бесплатной доставке и любовной лирике

Макс

– Спасибо за помощь. Извини, что напряг, – произнес Макс после окончания контрольной. Причем последняя фраза прозвучала слегка саркастически. Сказав это, Макс пересел обратно к Блеснову, с которым обычно и сидел почти на всех уроках. Если уж Королькова в него действительно вляпалась, как утверждает Варя, то пусть теперь пострадает от того, что он ушел, и пораскаивается из-из того, что толком не помогла. Хотя, если бы она в него втюрилась, то, наверное бы, всю контрольную помогла выполнить, а так... Может, он просто в девочках ничего не понимает? Почувствовав, что несколько запутался в своих измышлениях, Макс решил пока на этой проблеме забить. Первый шаг он как бы сделал, а дальше видно будет... Ох, и дернула же его нелегкая во все это ввязаться! Но отступить было не в его стиле...

Через день стали известны оценки за контрольную. Довольная итогами математичка Анастасия Викторовна не спеша разворачивала листки с работами и провозглашала результаты вслух, сдобривая их некоторыми комментариями.

– Ермолаев... Максим... – произнесла она, немного растягивая слова, словно бы не помня, что у него за контрольную. Хотя Макс голову бы дал на отсечение, что оценка была ей прекрасно известна. Успеваемость, а точнее сказать, неуспеваемость, его личности была очень актуальна среди учителей, которые всеми силами пытались его вытянуть.

– Четыре... – проговорила Анастасия Викторовна и глянула на Макса поверх очков. – На большой минус, конечно, тянет, – весомо добавила она, сверля его взглядом, – но последнее задание выполнено очень хорошо, так что тройку поставить я не могла. – После этих слов она перевела взгляд в сторону дальней парты, за которой сидела Королькова, а потом, вернув взгляд на место, то есть на замеревшую в напряженном ожидании чего-то нехорошего физиономию Макса, произнесла немного вяло и, как показалось Макс, слегка укоризненно:

– Молодец...

Но как бы там ни было, от души отлегло.

...А после уроков Макс, выйдя из школы, увидел Ольгу, которая уже преодолела границу школьного двора и неторопливым шагом брела вдоль забора, склонив голову вниз и смотря себе под ноги.

«Надо бы поблагодарить! Заодно и повод подкатить будет, – неохотно подумал Макс. Затею с флиртом, придуманную Иванковой, продолжать не хотелось. Но Варвара прозрачно намекнула сегодня, что в случае отсутствия действий с его стороны, не будет помогать ему с грамматикой по английскому. Угроза, надо сказать, была серьезная. Школа с английским уклоном, на слух Макс язык воспринимал хорошо, да и язык изучать ему нравилось, но вот с грамматикой не ладил совсем. А с Иванковой они сидели вместе на уроках английского, и она его успехам заметно способствовала. А «двойки» получать по практически единственному любимому предмету стремления не было никакого. Так что... Уже через пару минут Макс нагнал не спеша идущую девочку.

– Привет! – бросил он, поравнявшись с Ольгой.

Та вздрогнула и встрепенулась. Ее удивленные большие глаза растерянно уставились на него.

– Ой, прости! Я тебя, кажется, напугал! – извиняющимся тоном предположил Макс, на что Ольга отрицательно замотала головой.

– Я... В общем, хотел тебе за контрольную «спасибо» сказать. Если бы не ты, то «тройк» мне бы был обеспечен. Математичка, вроде, заподозрила что-то, но теперь не важно. Все равно

в журнале «четверка» стоит. – Макс вскинул глаза на девочку, пытаясь оценить, какое впечатление произвела его благодарность. Однако вместо ожидаемого смущения он наткнулся на серьезный и будто пронзающий его насквозь взгляд Ольги.

Через мгновение в руках девочки оказались блокнотик и карандаш, выуженные откуда-то из кармана куртки, и она нацарапала на листке:

«Не за что. Это было всего лишь одно задание».

– Я думал, ты мне, вообще, помогать не станешь.

«Я и не хотела»

Макс недоумевающе взглянул на Королькову.

– А зачем помогла тогда?

Ольга, чуть помедлив, пожала плечами. А Максим, внимательно поглядев на ее серьезное лицо и опущенный вниз взгляд, подумал: «Странная она все-таки. Варька утверждает, что она в меня втрескалась. А вдруг это не так?.. Кто ее разберет?» А вслух произнес:

– Как бы там ни было, а более высокому результату Анастасия Викторовна все равно бы, наверное, не поверила. Переписывать еще бы заставила. А так... Что не делается – все к лучшему.

И в этот самый момент девочка, неожиданно поскользнувшись, взмахнула руками и упала на дорогу. Все произошло так быстро, что Макс не успел среагировать и подхватить ее. Приподнявшись, Ольга зажала руками щиколотку правой ноги и болезненно поморщилась. Макс присел рядом.

– Сильно больно? Идти сможешь? – произнес он, при этом досадливо подумав: «Угораздило же?!»

Девочка кивнула и попыталась встать. Макс тут же пришел ей на помощь, поддерживая за руку. Когда Ольга оказалась на ногах, он вновь спросил:

– Идти точно можешь? А то вдруг вывих или перелом? У нас Брянцев в позапрошлом году с переломом руки загипсованный после такого вот падения пол зимы ходил.

Но Ольга сделала неуверенный шаг вперед. А потом еще несколько шагов. Максим все это время поддерживал ее. А когда, взглянув на ее сосредоточенное лицо, заметил, что она покраснела, внутренне ухмыльнулся: похоже, то, что он рядом, ее все же смущает. Это обнадеживало. И, решив воспользоваться моментом, шутливо произнес:

– Ну, вроде, жить будешь! Давай рюкзак-то, нести помогу. И не стесняйся, на руку мою обопрись, – при этих словах Максим вновь посмотрел на Ольгу и отметил для себя, что румянец на ее лице стал еще ярче.

Однако отказываться от помощи она не стала и, отдав Максиму рюкзак, ухватилась за подставленную им руку. До дома Корольковой оказалось недалеко, а еще выяснилось, что они живут совсем рядом, в соседних домах. Ребята стояли у подъездной двери уже минут через семь, за которые Максим успел комично обрисовать портреты почти всех учителей и вызвать у Ольги, все еще морщившейся временами от боли, вполне искренние смешки. Макс помог открыть тяжелую металлическую дверь и проводил Ольгу на пять ступенек вверх по лестнице до лифта. Но... лифт не работал.

– Приехали! – выдохнул Макс. – И на какой тебе этаж?

Ольга посмотрела на него растерянно и озадаченно, и показала пальцами цифру шесть.

– Не хило, однако! – присвистнул Максим.

Девочка быстро вытащила свой блокнот и написала:

«Спасибо тебе! Иди. Я подожду, может, лифт включат. С ним часто такое бывает».

– И долго ты тут ждать будешь? До вечера?

Макс понадежнее пристроил за плечами два рюкзака, оценивающе оглядел Ольгу, соображая, как удобнее подставить руки и, обняв ее за плечи, продел руку ей под колени и легко

поднял. Для него, брейкера с отменно накачанной мускулатурой, худенькая девочка оказалась на удивление легкой.

– Да ты ничего не вешишь! – изумленно выдохнул Макс. – Я тебя в два счета на шестой этаж доставлю! Быстрее лифта получится!

Ольга, по всей вероятности, никак не предвидевшая таких кардинальных действий с его стороны, испуганно вцепилась в отворот его куртки. Макс посмотрел на ее растерянное и пылающее от смущения лицо и, неожиданно для себя мягко улыбнувшись, произнес:

– Не бойся, не уроню!

И уже через пару минут Максим с Ольгой на руках оказался на шестом этаже.

– Доставка бесплатная! – весело провозгласил он и аккуратно опустил девочку на пол. А Ольга, немного помедлив, должно быть, приходя в себя от непредвиденного путешествия с ветерком, вытщила свой блокнот и написала:

«Спасибо! Может, зайдешь? Чай попьем. Дома никого нет сейчас».

Макс немного растерянно пожал плечами. Он никак не планировал сегодня попадать к Ольге в гости. События разворачивались слишком стремительно. Хотя, может, оно и к лучшему. Побыстрее разделаться со своим обязательством – и дело с концом!

– Ну, давай зайду! – согласился он и заметил, как просияло все еще смущенное лицо девочки.

Квартира оказалась большой и хорошо обставленной. Максим насчитал четыре просторные светлые комнаты, пока неторопливо шел к ванной, чтобы помыть руки. И первое, что он сделал, выйдя из ванной – спросил:

– А твоя комната где?

Ольга указала в сторону одной из распахнутых дверей, войдя в которую, Максим восторженно и слегка завистливо воскликнул:

– Класс!

А сам печально представил их малогабаритную трехкомнатную квартирку, где в одной комнате жили родители, в другой – сестра с младшим восьмилетним братишкой, а в третьей – он и еще два брата. Один старший, который, правда, сейчас служил в армии, и один младший, ему было десять, также как и сестре, с которой они были близнецами. Так что из своего личного пространства у Макса были половинка большого письменного стола, одна полка над ним и двухъярусная кровать. И то нижний ярус в его владении находился временно, пока брат не вернулся из армии.

У Ольги же вся комната принадлежала ей. Она была немного по-девчачьи, но, тем не менее, уютно обставлена. Небольшой зеркальный шкаф из светлого дерева, светлая кровать, накрытая нежно-кремовым слегка поблескивающим покрывалом и удобный того же цвета, что и остальная мебель, письменный стол с компьютером и надстроенными полками, которые пестрели корешками книг.

«Располагайся. Можешь книжки посмотреть. А я пойду чай приготовлю» – чиркнула она в своем блокноте и вышла из комнаты.

Макс снова мечтательно огляделся, представив, что у него тоже есть своя такая же большая и уютная комната, только обставленная, конечно, несколько иначе, по-мужски... Что она сказала? Книжки посмотреть пока? Макс подошел к столу и начал оценивающе оглядывать полки. Может, учиться он и не очень любил, но читать – читал. Ну, не программную литературу, конечно, не классику там всякую, а, понятное дело, боевики, фантастику, фэнтези и приключения... А тут что? Достоевский, Толстой и Пушкин, наверное, и, пожалуй, девчачьи любовные романы. Что может быть у такой невзрачной девчонки, да еще и зубрили. Однако, пробежав взглядом по корешкам книг, Максим неожиданно для себя обнаружил... детективы, причем, как современных писателей, так и прошлого века, много литературы по психологии, а из предполагаемого лишь несколько томиков поэзии. Макс в недоумении пожал плечами.

Ольга действительно была для него слишком странной и непонятной, особенно когда он начал сравнивать ее с Жанкой, с которой они не так давно расстались. В той все было ясно и предсказуемо, она практически полностью вписывалась в книжно-сериальные представления Макса о девчонках ее возраста: смешливая, любящая наряжаться и потрещать с подружками, порой капризная и обидчивая, требующая весьма много внимания. Максиму стало как-то скучно с ней, и он ушел, просто ушел без всяких объяснений. Да и чего тут объяснять? Сказал, что лучше им больше не дружить и все. Она, конечно, опять обиделась, истерику закатила, но... Ему сразу стало легче. А вот сейчас Макс пребывал в некоторой растерянности, потому что столкнулся с чем-то ему совершенно незнакомым.

Изучив полки с книгами, Максим опустил взгляд и увидел на столе еще одну книжку. Обложка была яркая, но книга лежала названием вниз. И Макс перевернул ее. Оказалось, очередная талмуд по психологии. Макс уже собрался вернуть книгу в исходное положение, как вдруг заметил торчащий краешек листка, вложенного между страницами. Должно быть, просто закладка. Но что-то заставило Макса развернуть книгу и взглянуть на листок. И тот оказался испещренным ровными строчками. По форме написанное очень напоминало стихотворение. К стихам Макс относился «никак», но подчерк был явно Ольгин, поэтому он все же взял листок и начал читать.

И... его щеки непривычно вспыхнули. В конце стихотворения, почему-то в самом конце, а никак положено для посвящений, в начале, аккуратным красивым подчерком было приписано: «Максиму Е.». «Значит, все-таки, любит...» – мелькнуло в голове у Макса. Он сглотнул, пытаясь окончательно осознать свою великую ценность и значимость для кого-то кроме него самого, а потом, прислушавшись к шуму на кухне, наскоро вытащил телефон и заснял посвященные ему строки. А уже через мгновение в комнату вошла Ольга, чтобы позвать его пить чай. Макс сделал вид, что с увлечением изучает какой-то первый попавшийся под руку детектив. Он заметил, как Ольга бросила обеспокоенный взгляд на стол, а потом сунула книгу с ее тайной на полку. Но Макс изобразил полное безразличие к ее манипуляциям, припудрил все это какими-то, на его взгляд, весомыми замечаниями по поводу детективного жанра, и таким образом, обеспечил себе вполне приличное алиби на случай подозрения его в чтении чужих стихов.

Когда Макс вернулся домой, он вновь перечитал Ольгино творение. А потом даже попытался разобраться, приятно или нет, когда девчонка посвящает тебе стихи. С одной стороны, это несомненно льстило его самолюбию, но с другой, отчего-то было немного противненько. Отчего, он и сам толком понять не мог. Может, оттого, что Ольга его совершенно не привлекала?.. Или от совсем легкой тени смущения, что эта девчонка по нему вздыхает и даже посвящает стихи? А может, просто вдруг засквозило чувство стыда из-за того, во что он ввязался. Но Макс решил особо не заморачиваться. Мало ли какая дурь в башку лезет!

О хитросплетениях судьбы и превратностях любви

Никита

Холодный больничный коридор с тусклыми зелеными стенами, со снующими туда сюда людьми в белой и голубой больничной спецодежде и домашних халатах и шлепках, широкий, неприветливый, навевающий смертельную тоску. Никита одиноко сидел на одной из поставленных в ряд кушеток и ждал. На душе было путано. И вся эта путаница была спровоцирована одним единственным чувством, которое захлестывало и подавляло все. Страхом. А что, если поздно? Что, если не спасут?..

Никита посмотрел в конец коридора, где сквозь окно, в пространство, заключенное в каменные стены, стараясь рассеять тоску и холод, вливались яркие солнечные лучи. И перед его мысленным взором, словно прорисовываясь в потоке света, возник образ Ольги. Он вспомнил, как в первый раз она предстала перед ним в ярко освещенном дверном проеме квартиры его родственников, тонкая, хрупкая девочка, с короткими русыми волосами, своей угловатой фигуркой больше похожая на мальчишку-подростка...

Никита уехал из родного города, чтобы учиться на программиста и уже весьма успешно перешел на второй курс. Половину первого курса он жил в общежитии, но потом его тетка, Мария Владимировна, а проще тетя Маша, уговорила поселиться у них. И Никита особо сопротивляться не стал, так как жизнь в общаге была несладкой, а на съем квартиры даже самой маленькой у его матери, растившей его одной, средств не было. Его отец, родной брат тети Маши, лет так двенадцать назад слинял с какой-то бабой в другой город и обзавелся там семьей и с ними отношения не поддерживал, лишь выплачивал мизерные алименты. Марии Владимировне, должно быть, было неудобно за него, и она, как могла, замазывала грехи брата, привечая Никиту, за что тот ей был благодарен.

В этом же году она и Павел Александрович вновь предложили ему жить у них во время учебы. И Никита согласился. Только на этот раз ситуация немного поменялась. До этого у его родственников не было детей, а теперь, к немалому изумлению Никиты, они взяли из детдома девочку пятнадцати лет.

Был самый конец августа, когда Никита после двухмесячных летних каникул вновь переступил порог дома своих родственников. Ни Марии Владимировны, ни Павла Александровича не было, так как день был рабочий. А дверь ему открыла невысокая худенькая девчужка. Его предупредили, что она не разговаривает. И Никита, дружелюбно сказав «привет», с интересом посмотрел на нее. Девочка же улыбнулась и кивнула в ответ. Но вскоре интерес Никиты был привлечен не только ее немотой и тем, как она справляется со своим дефектом, но и ее отличной успеваемостью в школе, стремлением учиться, двигаться вперед. Несколько раз он наблюдал сцену, как Мария Владимировна пыталась отправить ее спать, потому что было уже слишком поздно, а Ольга все равно засиживалась за занятиями. Но вот заучкой и зубрилой Никита ее за это не считал. Наоборот он проникся к ней чувством уважения. Ведь он сам был таким. Единственный сын у одинокой несостоятельной матери, он всегда желал вырваться вперед и в школе, и в институте.

– Ты же сейчас в девятом классе учишься, верно? – как-то спросил он Ольгу, когда они вместе пили чай.

Она кивнула.

– А потом как планируешь: в техникум или в школе останешься?

«В школе, а потом в ВУЗ».

– А хочешь, я тебе экскурсию по нашему институту устрою? Думаю, тебе интересно будет. Почувствуешь дыхание студенческой жизни. – Никита вопросительно посмотрел на Ольгу и с радостью заметил, как она просияла.

«Конечно, хочу!»

Это был конец сентября. И Никита в ближайший же удобный день взял ее с собой и довольно наблюдал, с каким восторгом Ольга знакоилась с его альма матер. А после их похода в институт он позвал девочку в кафе. И они просидели там больше часа. Не смотря на то, что Ольга общалась при помощи карандаша и блокнота, быть в ее компании было крайне интересно. Она к своим пятнадцати годам прочла кучу разных книг (надо сказать, не только программных) и имела богатый жизненный опыт. С тех пор их отношения стали более тесными. Изредка они ходили в кино, иногда вместе гуляли, смотрели дома телек, а порой слушали музыку. У Никиты в его родном городе осталась девушка, с которой они начали встречаться в его летние каникулы. Звали ее Галиной. Ей было восемнадцать. И она третий год училась в техникуме. Никита думал, что будет сильно скучать по ней во время учебы, но благодаря Ольге этого не произошло. Хотя свои чувства к ней Никита в течение нескольких месяцев классифицировал исключительно как дружеские. И, наверное, их общение, их дружба так и радовали бы своим спокойствием и позитивом, если бы вдруг не появился он... этот низкорослый выскочка, который ровным счетом реально ничего из себя не представлял, и если бы Ольгу не угораздило влюбиться в него по самое не хочу... И вот тогда Никита неожиданно понял, что ревнует, причем ревнует не слегка из чувства собственности, которого никто не чужд, а сильно, невыносимо, изматывающе...

О полетах в межзвездное пространство

Ольга

Я сидела на четвертом ряду в актовом зале школы и ждала начала концерта. Надо сказать, что с местом мне повезло, но это благодаря тому, что наш классный руководитель рано отпривила нас сюда, и наш класс успел занять часть третьего и часть четвертого ряда. Зал был забит битком. Должно быть, присутствовали все средние и старшие классы. Я сидела, как на иголках. От нашего класса было два номера: первый – небольшая юмористическая инсценировка, а второй... – Макс. И я с замиранием сердца ждала его выхода. И стоит ли говорить, что все мои мысли были заняты только этим парнем. Я никак не могла осознать до конца, что вчера, всего лишь вчера, он нес меня на руках на шестой этаж до моей квартиры. При воспоминании об этом у меня начинали гореть щеки, а сердце словно спотыкалось, а потом больно сжималось в груди. Макс... Макс... И он был у меня в гостях. Правда... совсем недолго. И это очень мучило. Мы попили чай, и он сразу же ушел, сказав, что ему надо на тренировку. Наверное, ему стало скучно со мной, да и зашел он, должно быть, лишь из вежливости... Если бы я не поскользнулась и не повредила себе ногу, он ни за что бы не стал заходить...

– Слышали, Максик со своей девчонкой расстался? – вдруг весьма громко спросила соседка-близняшка Варя Иванкова, которая сидела впереди меня на третьем ряду.

– Да ты что?! Это Жанну, что ли? – воскликнула одна.

– Он же с ней почти полгода встречался! – изумленно продолжила другая

– Вот так! Он сам мне сказал. Прошла любовь – завяли помидоры! – закивала головой Варвара.

– Ну, теперь очередь из претенденток выстроится! – заметила первая близняшка.

А я почувствовала, как начинают холодеть руки. И если бы ни сидела, то мне пришлось бы ухватиться за что-нибудь, потому что по ногам вдруг волнами побежала невероятная слабость. Макс расстался с подружкой и сейчас он свободен... Но... может ли такой парень, как Макс, обратить на меня хоть чуточку внимания не просто как на одноклассницу, а как на... девушку?..

Начался концерт, и, я хоть и делала вид, что внимательно смотрю на сцену, все время мыслями обращалась к Максиму. Но вот самым последним объявили его выход, и... Мне кажется, что я даже перестала дышать. Мой взгляд словно приковали к парню, который выделял под музыку невероятно сложные движения, хотя внешне все это выглядело потрясающе ловко, легко, изящно и немыслимо красиво. Его безоговорочно слушался каждый мускул. Он безукоризненно владел своим телом и, конечно же, подчинил себе внимание всех зрителей в зале, взоры которых были неотрывно устремлены на него. Но я лишь краем сознания успела отметить вдруг воцарившуюся вокруг тишину, потому что в момент его танца отдала ему не только свое внимание, но и все чувства, все свои эмоции, всю себя, и весь мир для меня перестал существовать, сконцентрировавшись на одном единственном человеке – человеке, которого я безумно любила...

Концерт окончился, и я с толпой шумящих учеников выбралась из актового зала. Я чувствовала, что меня все еще трясет после выступления Максима, ноги плохо слушаются, а мысли сбиваются, наталкиваясь друг на друга. Но людской поток вынес меня в широкий коридор, и я на автопилоте направилась к раздевалке. Нужно было идти домой. Ученики радостно галдели, обсуждая планы на новогодние каникулы, которые начинались уже завтра. Но я всеобщего ликования не испытывала. Я была очарована и поражена танцем Максима, и в моих глазах этот парень, и так практически недостижимый, занял такую высоту, что мне даже в самых моих смелых мечтах до нее не добраться. Да, он сейчас свободен, но, наверное, в школе нет

ни одной девчонки, которая бы отказалась с ним встречаться. И его выбор уж точно падет не на меня, невзрачную, худую, да к тому же еще немую серую мышь. Так что имело смысл отменить не только все надежды, но даже сокровенные мечты...

Я наспех натянула ботинки, шапку, нырнула в рукава куртки, и даже не застегнувшись, ринулась на улицу. Мне хотелось поскорее уйти из школы, из того места, где я только что с горечью осознала полную безнадежность своей любви и, как следствие, абсолютную беспросветность своего жалкого существования. Я направилась к школьным воротам, но домой мне не хотелось. Казалось, в четырех каменных стенах мне станет только хуже, а здесь на улице, где холодный воздух тушил пожар моих разгоряченных щек и, проникая в легкие, охлаждал готовое взорваться сердце, было немного легче. Я вышла за ворота и, развернувшись в противоположную от дома сторону, пошла, сама не зная куда. Было уже темно, и над головой горели фонари, освещая дорогу и заставляя поблескивать недавно выпавший, еще не утраченный своей белизны и свежести снег. От ворот я прошла метров тридцать или сорок, как вдруг почувствовала, что снова падаю. Под устилавшем дорогу снегом скрывался лед, и я снова поскользнулась. Но на этот раз упасть мне не удалось...

– Мне кажется, тебе обувь поменять надо. С такими скользкими ботинками ты скоро в травмпункт загремишь! – раздался над головой до дрожи знакомый голос, в то время как сильные и тоже знакомые руки надежно подхватили меня подмышки. – Я, конечно, совсем не против снова поносить тебя на руках, но все же лучше обойтись без травм! – хохотнул Макс.

Но когда он поставил меня на ноги и взглянул на меня, его веселье сменилось испугом.

– Оль, тебе что, плохо?! – в его голосе звучала неподдельная тревога.

А мне, в самом деле, стало плохо. Да и как я должна была себя чувствовать, когда бредешь неизвестно куда, прощаешься со своими разбитыми вдребезги мечтами, клянешь себя за то, что угораздило влюбиться в одного из самых популярных парней в школе, а тут вдруг он, тот самый парень собственной персоной, да еще и подхватывает тебя при падении и держит в хоть и вынужденных, но объятиях. У меня был шок. По-другому и не скажешь. Дыхание перехватило, сердце, кажется, совсем остановилось, а ноги сделались ватными. Хорошо, что Макс не убрал руки и все еще поддерживал меня. Наверное, видок у меня был еще тот, потому что испуг с лица Макса сошел лишь тогда, когда я, наконец, смогла с трудом проглотить воздух и начала мотать головой и жестикулировать, показывая, что я пока еще в сознании и жива.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.